

Khalanskiĭ, Mikhail Georgievich
N.V. Gogol' kak romantik

GOGOL' KAK ROMANTIK
I POET RUSSKOI
DIEISTVITEL'NOSTI

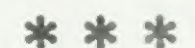
M. N. V. Khalanskii

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
University Microfilms Limited, High Wycomb, England
A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Н. В. Гоголь

какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“ князя К. Н. Гагарина, Клочковская, №
1903.

Khalanskii, M. N. V. Gogol' kak romantik i poet
russkoi dieistvitel'nosti. Kharkov, 1903.

Проф. М. Г. Халанскій.

Н. В. Гоголь

какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“ князя К. Н. Гагарина, Клочковская, № 5.
1903.

Отдѣльные оттиски изъ Сборника Историко-Филологическаго Общества.
Томъ 13-й. 1902 годъ.

Н. В. Гоголь какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета, посвященномъ 50-лѣтію со дня смерти Н. В. Гоголя) [1]).

«Изъ всѣхъ писателей, которыхъ мнѣ не случалось читать біографіи, я еще не встрѣчалъ ни одного, кто бы такъ упрямо преслѣдовалъ разъ избранный предметъ» (Письма Гоголя, ред. Шенрока. т. III, стр. 445).

М.м. Г.г.! Предметомъ своей рѣчи я избралъ одинъ вопросъ изъ психологіи Гоголя, по моему мнѣнію, самый важный и существенный для изученія его жизни и творчества—вопросъ объ основныхъ воззрѣніяхъ Гоголя на задачи жизни человѣка вообще и въ частности на «писателя» т. е. поэта и на поэтическое творчество. Единственнымъ, въ высокой степени важнымъ и цѣннымъ матеріаломъ для изученія этой стороны существа Гоголя являются его «Письма», проливающія яркій свѣтъ на тайная тайныхъ духа этого «скрытнаго» и «таинственнаго» человѣка въ жизни, для круга его товарищей, друзей и знакомыхъ. Изученіе писемъ Гоголя въ ихъ взаимной связи, съ цѣлью повѣрки степени устойчивости и искренности извѣстнаго настроенія, и въ связи съ объективными данными, относящимися къ исторіи русской жизни и литературы первой половины XIX вѣка, приводитъ къ убѣжденію, что Гоголь, по складу своихъ воззрѣній и стремленій, былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ, яркихъ и ревностныхъ представителей романтизма въ русской жизни и литературѣ,—стремился стать въ своей жизни и литературной дѣятельности истовымъ романтикомъ въ томъ смыслѣ этого слова, какъ понимала его ново-романтическая теорія, провозгласившая принципъ единства поэзіи, жизни и религіи въ литературѣ. Изъ столкновенія мечтательно-романтическихъ представленій Гоголя о поэзіи, заключавшихъ въ себѣ многія коренныя, неразрѣшенныя еще писательской практикой второй четверти XIX вѣка, противорѣчія и отвлекавшихъ мысль поэта отъ жизни въ область морали и религіи, съ естественной, натуральной способностью таланта этого поэта, влекшей его къ жизни, къ землѣ, къ людямъ обыкно-

[1]) Печатается съ необходимыми дополненіями.

веннымъ, въ связи съ жизненными и писательскими невзгодами, которыя слишкомъ тяжело отзывались на впечатлительной и болѣзненно-нервной натурѣ Гоголя и дѣлали его такимъ же «великимъ страдальцемъ», какъ и Пушкина,—возникла та извѣстная трагедія духа великаго писателя, которая завершилась уничтоженіемъ II тома «Мертвыхъ Душъ», задушевнаго произведенія Гоголя, въ которомъ онъ видѣлъ цѣль и задачу своей жизни, исполненіе «священнаго завѣщанія» Пушкина (Письма, ред. Шенрока, изд. Маркса т. I, 411).

Уже въ нѣжинскомъ лицеѣ Гоголь, ко времени окончанія своего курса, является романтикомъ-мечтателемъ, по своимъ идеальнымъ влеченіямъ, жизненнымъ стремленіямъ и литературнымъ симпатіямъ и опытамъ [1]). Онъ стремится «видѣть и чувствовать прекрасное»: 18-ти лѣтній лицеистъ, отказывая себѣ въ необходимомъ, собираетъ «съ величайшимъ трудомъ все годовое свое жалованье и выписываетъ изъ Львова соч. Шиллера за 40 руб.»—«деньги весьма немаловажныя по его состоянію» (Письма, 69): вѣря «въ высокое назначеніе человѣка (75)», онъ «кипитъ», «пламенѣетъ» неугасимой ревностью принести пользу государству, человѣчеству, означить свое имя к.-л. прекраснымъ дѣломъ; свои «высокія начертанія», свои «долговременныя думы» онъ таитъ въ душѣ своей; «недовѣрчивый ни къ кому, скрытный» онъ «не повѣряетъ своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлаетъ ничего, что могло бы выявить глубь души его (89—90). Въ школѣ, далекой отъ педагогическаго совершенства, Гоголю приходилось терпѣть горе и нужду, выносить «неблагодарности, несправедливости, глупыя, смѣшныя притязанія, холодное презрѣніе», но онъ былъ проникнутъ оптимистическимъ убѣжденіемъ, что испытанное страданіе лучше ведетъ къ счастію, что зло жизни обращается въ добро, и что за всѣ худыя дѣла нужно платить благодѣяніями (98). Мечтательно-романтическое настроеніе юноши Гоголя послѣдняго періода жизни его въ Нѣжинѣ ярко отражается въ заключительныхъ строфахъ его идилліи «Гансъ Кюхельгартенъ», написанной въ подражаніе Фоссовой Луизѣ», въ 1827 году, въ лицеѣ:

(Эпилогъ):

Въ уединеніи, въ пустынѣ,
Въ никѣмъ незнаемой глуши
Въ моей невѣдомой святынѣ
Такъ созидаются отнынѣ

---

[1]) Ср. проф. Н. И. Петровъ. Слѣды литературныхъ вліяній въ произведен. Гоголя. Труды Кіевск. Дух. Акад. 1902 г. № 4.

Мечтанья тихія души.
Дойдетъ ли звукъ подобно шуму?
Взволнуетъ ли кого-нибудь?
Живую юноши ли душу,
Иль дѣвы пламенную грудь?
Веду съ невольнымъ умиленьемъ
Я пѣсню тихую мою
И съ неразгаданнымъ волненьемъ
Свою Германію пою.
Страна высокихъ помышленій!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна!
Тебя обнявъ, какъ нѣкій геній,
Великій Гетте бережетъ
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облако заботъ.

Имѣя въ виду, очевидно, самого себя, юный поэтъ пишетъ:

Такъ въ заключеньи *школьникъ ждетъ*,
Когда желанный срокъ придетъ,
Лѣта къ концу его ученья;
Онъ полонъ думъ и упоенья,
Мечты воздушныя ведетъ:
Онъ независимый, онъ вольный,
Собой и міромъ всѣмъ довольный.
Но, разставаяся съ семьей
Своихъ товарищей, душой
Дѣлилъ съ кѣмъ шалость, трудъ, покой,—
И размышляетъ онъ, и стонетъ,
И съ невыразною тоской
Слезу невольную уронитъ.

(Соч. Г. ред. Тихонр. V.42—43).

Пріѣздъ Гоголя въ Петербургъ (въ декабрѣ 1828 г.) совпалъ съ тѣмъ періодомъ въ исторіи русскаго романтизма, когда русскіе писатели, переживъ увлеченіе внѣшней стороной западно-европейскаго романтизма, выражавшейся въ протестѣ ложно-классицизму и въ фантастикѣ литературныхъ сюжетовъ, дошли до усвоенія или уясненія самыхъ основъ романтическаго движенія въ области западно-европейской исторіи мысли и литературы, заключавшихся въ принципахъ свободы творчества и въ національности литературы.

Это стремленіе къ уясненію основъ романтической теоріи литературнаго творчества проявилось у насъ почти одновременно въ Петербургѣ и, особенно, въ Москвѣ, тамъ же, гдѣ возникло и самое романтическое движеніе нашей литературы и жизни (см. мои статьи: О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтич. твор. А. С. Пушкина Харьк. 1900 г. стр. 39 слѣд.. Къ исторіи возникнов. Арзамаса. Мирн. Трудъ 1902 г. № 1). Рылѣевъ въ Петербургскомъ «Сынѣ Отечества», философскій кружокъ Веневитинова и Одоевскаго (Москва 1823—1825 г.) въ Москвѣ, имѣвшій своимъ печатнымъ органомъ альманахъ Мнемозину (М. 1824—1825 г.) и Московскій Телеграфъ Полевого ревностно принялись выяснять и популяризировать литературную романтическую теорію, изложенную въ Лекціяхъ В. Шлегеля о драматич. искусствѣ и литературѣ (Vorlesumen uber dramatische Kunst und Literatur), объявленныхъ Полевымъ за *«непремѣнный кодексъ»* для каждаго писателя, занимающагося литературой (М. Тел. 1827 г. ч. XIV № 8. стр. 287. Энгельгардтъ, Истор. рус. лит. XIX ст. 1, стр. 286).

Подъ вліяніемъ этого движенія критической и философской мысли, направленной на сущность, задачи и формы литературной дѣятельности, въ средѣ русскихъ поэтовъ-романтиковъ складываются возвышенные взгляды на «поэта» и на задачи поэтической дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнетъ сознаніе важности и необходимости идеи народности въ русской литературѣ. Эта послѣдняя и становится лозунгомъ литературной, а потомъ и общественной дѣятельности: поэтъ-пророкъ, «небесъ избранникъ, божественный посланникъ», «сынъ небесъ», «жрецъ Аполлона», поэтическая дѣятельность—«священная жертва» божеству поэзіи, поэтическія произведенія—«молитвы», выраженныя въ «сладкихъ звукахъ»; «поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», «поэзія есть земная сестра небесной религіи» «жизнь и поэзія—одно»; поэтъ долженъ быть «невиненъ какъ голубица, смѣлъ и отваженъ какъ орелъ», долженъ гнушаться «сахарныхъ устъ порока, похвалъ и наслажденій, не просить и не брать наградъ» и только при условіи высшаго нравственнаго совершенства поэта-пророка

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ (его),
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки
И царь Саулъ заслушается ихъ.—
И жизнію торжественно высокой
Ты процвѣтешь и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око.

По этому поводу невольно припоминаются слова законодателя романтизма В. Шлегеля въ курсѣ его лекцій: «Будемъ глубоко сознавать, что всякое умственное стремленіе есть *благочестіе*, что оно можетъ достигнуть успѣха только посредствомъ серьезной и искренней любви, что *талантъ безъ нравственности* всегда достигалъ лишь очень незначительныхъ результатовъ» (Гаймъ, Романтич. школа 688).

Нужда и безработица (Письма I, 117) заставили Гоголя измѣнить своимъ юношескимъ грезамъ о трудѣ важномъ, благодѣтельномъ на поприщѣ юстиціи (Ibid. 89) и обратить свои упрямыя предначертанія (90) въ область литературы.

Плодомъ литературныхъ занятій Гоголя за это время были «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», сборникъ романтически-подражательныхъ произведеній, отвѣчавшихъ той стадіи нѣмецкаго и русскаго романтизма, которая выражалась въ изложеніи «страннаго, сверхестественнаго, производящаго на читателя своеобразное чарующее впечатлѣніе» (Гаймъ. Романтич. школа, перев. Невѣдомскаго М. 1891 года. стр. 226) и которая скоро была пережита самими же нѣмецкими нео-романтиками, уступивъ мѣсто болѣе широкому пониманію задачъ романтической литературы, получившихъ свою кодификацію въ теоретическихъ комбинаціяхъ В. Шлегеля.

Литературная дѣятельность Гоголя доставила ему извѣстность, и въ 1831 году мы видимъ его уже въ самомъ средоточіи умственной аристократіи Петербурга. Въ письмѣ къ своему школьному пріятелю Данилевскому, Гоголь сообщалъ отъ 2 ноября 1831 г.: «все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ селѣ... Почти каждый вечеръ собирались *мы*: Жуковскій, Пушкинъ и я». (Письма I, 196).

Общеніе съ литературнымъ кругомъ Пушкина имѣло огромное вліяніе на творчество Гоголя и развитіе его поэтическаго дарованія. Въ немъ онъ нашелъ оцѣнку своего таланта и указанія на соотвѣтствующую ему область для поэтическихъ воспроизведеній, нравственную и матеріальную поддержку и, кромѣ того, цѣльную, стройную теорію поэтическаго творчества, уяснившую ему таинственныя, безсознательныя движенія его поэтической души.

Съ пламенной ревностію «провинціала-мечтателя» тридцатыхъ годовъ Гоголь усвоилъ себѣ очаровательную возвышенную теорію поэтическаго творчества, которая отличала литературные круги русскихъ романтиковъ 20-хъ—30-хъ годовъ. Она соотвѣтствовала его глубокому религіозному чувству, склонности къ мистицизму и аскетизму, близко подходила къ тому романтическому настроенію, которое было подготовлено семьей Гоголя и жизнью въ Нѣжинѣ и которое еще усилилъ онъ въ Петербур-

гѣ благодаря болѣе близкому знакомству съ произведеніями подлинныхъ нѣмецкихъ нео-романтиковъ, какъ напр. Тика (Тихонравовъ, Примѣч. къ т. I II. С. соч. Гоголя стр. 526. слѣд.); она приближалась къ его юношескимъ грезамъ о возвышенномъ и прекрасномъ, о любви къ людямъ и служеніи человѣчеству; удовлетворяла, наконецъ, и самолюбію Гоголя, раздражавшемуся въ школѣ, недалеко ушедшей, по своему внутреннему быту отъ бурсы, и развивавшей въ своихъ питомцахъ скрытность, высокомѣріе и неискренность.—Но, въ отличіе отъ многихъ своихъ современниковъ поэтовъ-романтиковъ, поэтовъ-мистиковъ и прозаическихъ мечтателей, Гоголь проникся романтическими воззрѣніями на поэта и поэтическое творчество *всецѣло, до искренняго желанія согласовать съ ними свою личную жизнь и свои поступки.* Отсюда мысль о внутреннемъ нравственномъ совершенствованіи, постоянной работѣ надъ собой, надъ своими чувствами, страстями и умомъ, идея возвышенія себя надъ земной жизнью для того, чтобы «писатель» могъ безукоризненно и *«добросовѣстно пропѣть гимнъ небесной красотѣ»*. «И едва ли не со времени перваго свиданія нашего, писалъ Гоголь къ Жуковскому въ 1847 г.: искусство стало главнымъ и первымъ въ моей жизни, а все прочее—вторымъ. Мнѣ казалось, что уже не долженъ я связываться *никакими другими узами на землѣ, ни жизнью семейной,* ни должностной жизнью гражданина *и что словесное поприще есть тоже служба* (Бычковъ Неиздан. письма Гоголя къ Жуковскому Рус. В. 1838 г. к. XI. 64)».

Въ исторіи «словеснаго поприща» Гоголя, слѣдовавшаго за Вечерами на хуторѣ и Миргородомъ, естественно, различаются двѣ эпохи, разграничиваемыя появленіемъ въ печати I т. Мертвыхъ Душъ. Эти двѣ эпохи до I т. Мертвыхъ Душъ и послѣ него—исторія двухъ направленій въ творчествѣ Гоголя и въ психологіи великаго писателя, отражающая два направленія въ исторіи русскаго и западно-европейскаго романтизма, типичными представителями которыхъ были у насъ Пушкинъ и Жуковскій.

Пушкинъ—романтикъ въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ романтическіе критики называли романтиками и Данта и Шекспира и Шиллера и Гете. Жуковскій, наоборотъ, по складу своихъ воззрѣній примыкалъ къ нѣмецкимъ нео-романтикамъ. На этомъ пунктѣ, какъ извѣстно, произошелъ теоретическій разладъ между нимъ и нашими романтиками-націоналистами (Пушкинъ, Рылѣевъ, Кюхельбекеръ, Бестужевъ Александръ). Рылѣевъ находилъ даже, что вліяніе Жуковскаго на духъ нашей словесности было «слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны

растлили многихъ и много зла надѣлали» (Сочин. К. Ө. Рылѣева, изд. 1872, 234).

Въ болѣе широкомъ смыслѣ и основномъ своемъ значеніи романтизмъ являлся синонимомъ національности: «Наша поэзія должна быть національной или въ идеалистическомъ или въ реалистическомъ значеніи», говорилъ В. Шлегель въ своемъ курсѣ (Гаймъ, Романтическая школа, стр. 700). Этотъ взглядъ В. Шлегеля съ особой ревностью популяризировался нашими романтиками 20—30-хъ годовъ какъ въ Петербургѣ такъ и въ Москвѣ. «Сила, свобода, вдохновеніе необходимыя три условія всякой поэзіи», писалъ Кюхельбекеръ въ статьѣ «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе, напечатанной во II вып. «Мнемозины» (М. 1824 г., стр. 30). «Но что такое поэзія романтическая? Она родилась въ Провансѣ и воспитала Данта, который далъ ей жизнь, силу и смѣлость, отважно *сверг съ себя иго рабскаго подражанія Римлянамъ*, которые сами были единственно подражателями Грековъ и рѣшился бороться съ ними. *Въ послѣдствіи въ Европѣ всякую поэзію свободную, народную стали называть романтическою*» (Ibid. 35). «Свобода, изобрѣтеніе и новость составляютъ главныя преимущества романтической поэзіи передъ такъ называемою классическою позднѣйшихъ европейцевъ» (стр. 39). «Всего лучше имѣть поэзію народную» (40). «Да создастся для славы Россіи поэзія истинно русская; да будетъ святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первою державою во вселенной! Вѣра праотцевъ, нравы отечественные, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности. Станемъ надѣяться, что наконецъ наши писатели, изъ коихъ особенно нѣкоторые молодые одарены прямымъ талантомъ, сбросятъ съ себя поносныя цѣпи нѣмецкія и захотятъ быть русскими. Здѣсь особенно имѣю въ виду А. Пушкина, котораго три поэмы, особенно первая, подаютъ великія надежды (42—43). «Надеждой Руси называлъ Пушкина» и А. Бестужевъ въ письмѣ къ Полевому отъ 9 марта 1833 года (В. Богучарскій. Семейство Бестужевыхъ. Міръ Божій 1902 г. сент., стр. 277).

Особенной экспансивностью вообще и въ отношеніи къ Пушкину въ частности отличались литературно-теоретическія воззрѣнія Рылѣева. Въ статьѣ «Нѣсколько мыслей о поэзіи, напечатанныхъ въ Сынѣ Отечества за 1825 г. № 22 (ч. 104) стр. 145—154, и представлявшихъ въ сущности извлеченіе изъ курса лекцій В. Шлегеля, Рылѣевъ писалъ: «Споръ о романтической и классической поэзіяхъ давно уже занимаетъ всю просвѣщенную Европу, а недавно начался и у насъ...... На самомъ дѣлѣ нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а *была, есть и*

будетъ одна истинная поэзія, которой правила всегда были и будутъ одни и тѣже.... Когда явилось нѣсколько такихъ поэтовъ, которые, слѣдуя внушенію своего генія, *не подражая ни духу ни формамъ древней поэзіи*, подарили Европу своими *оригинальными произведеніями*, тогда потребовалось классическую поэзію отдѣлить *отъ новѣйшей*, и *нѣмцы назвали сію послѣднюю поэзію романтическою вмѣсто того, чтобы назвать просто новою поэзіею.* Дантъ, Тассъ, Шекспиръ, Аріостъ, Кальдеронъ, Шиллеръ, Гете наименованы романтиками... Такимъ образомъ поэзіею романтическою назвали *поэзію оригинальную, самобытную*, а въ этомъ смыслѣ Гомеръ, Эсхилъ, Пиндаръ словомъ всѣ лучшіе греческіе поэты романтики, равно какъ и превосходнѣйшія произведенія новѣйшихъ поэтовъ, написанныя по всѣмъ правиламъ древнихъ, но предметы коихъ взяты не изъ древней исторіи, суть произведенія романтическія... (Соч. Рылѣева, 227). «Итакъ, заключалъ свою статью Рылѣевъ: будемъ почитать высоко поэзію, а не жрецовъ ея, и оставивъ безполезный споръ о романтизмѣ и классицизмѣ, будемъ стараться уничтожить въ себѣ духъ рабскаго подражанія и, обратясь къ источнику истинной поэзіи, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда не довольно ему извѣстныхъ» (231).

Прозрѣвая въ Пушкинѣ «геній», силу осуществить въ русской литературѣ романтическія представленія объ истинной поэзіи, какъ поэзіи свободной, оригинальной и національной, Рылѣевъ призывалъ Пушкина къ поэтической дѣятельности съ такою же трогательной искренностью и энергіей, съ какой въ новое время взывалъ Тургеневъ къ гр. Л. Н. Толстому: «На тебя устремлены глаза Россіи, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ, писалъ Рылѣевъ Пушкину почти одновременно съ написаніемъ статьи «Нѣсколько мыслей о поэзіи» (Сочин. стр. 235). «Пусть онъ (геній) производитъ все, что внушаетъ ему вдохновеніе... Прощай геній»! (Ibid. 237). За годъ до своей ужасной смерти «смерти позорной» (Ibid. 332) Рылѣевъ писалъ (12 мая 1825 года): «Пушкинъ! Ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою; но еще два, много три года усилій и ты опередишь его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но, ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему! Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бы ты зналъ, какъ я люблю, какъ цѣню твое дарованіе! Прощай чудотворецъ!» (Ibid 242).

Образъ Рылѣева послужилъ, какъ извѣстно, основаніемъ для стихотворенія Пушкина «Пророкъ», а теоретическіе вопросы творчества, поднятые Рылѣевымъ, Кюхельбекеромъ и болѣе ранними романтиками, отразились съ другой стороны, въ рядѣ соотвѣтствующихъ стихотвореній Пушкина, относящихся къ 1827—1831 годамъ: Поэтъ, Чернь и друг. (Сравн. о вліяніи Вас. Львов. Пушкина на поэтическое твор. А. С. Пушкина, стр. 67 с лѣд.).

На идеѣ народности литературы сошлись теоретическіе взгляды Пушкина и Жуковскаго. Подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ и ранія влеченія Гоголя къ народнымъ сюжетамъ въ литературѣ, навѣянныя украинскимъ историко-литературнымъ наслѣдствомъ, получаютъ рельефность ясно сознаннаго принципа литературной дѣятельности: «О если бы ты зналъ», продолжалъ Гоголь вышеприведенное свое письмо къ Данилевскому отъ 2 ноября 1831 года: «сколько прелестей вышло изъ подъ пера сихъ мужей! у Пушкина повѣсть, октавами писанная, въ которой вся Коломна и *Петербургская природа живая*. Кромѣ того сказки *русскія народныя*,—не то что Русланъ и Людмила но *совершенно русскія*. У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки... и чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и *уже чисто русскій; ничего германскаго и прежняго*» (Письма I, 196).

Это направленіе мысли и творчества Гоголя отразилось въ созданіи цѣлаго ряда произведеній, на которыхъ зиждется слава этого писателя, успѣвшаго въ «чудномъ стеклѣ» своихъ созданій отразить всю Русь «хотя съ одного боку» (Письма I, 354), «удивительнаго Гоголя, однимъ взглядомъ обнявшаго всѣ классы русскаго общества и достойнаго занять мѣсто на самыхъ вершинахъ европейской литературы» (ст. Мельхіоръ де Вогюэ въ Revue des deux mondes 1901 года т. IV стр. 627).

Оставаясь глубоко національнымъ и вполнѣ самобытнымъ поэтомъ русской дѣйствительности, Гоголь въ общихъ формахъ и предѣлахъ литературной дѣятельности не выходитъ, однако, изъ тѣхъ программъ, которыя намѣчены были романтической теоріей литературнаго творчества: «наша поэзія, говорилъ Шлегель: должна быть рыцарской или мѣщанской, подобно поэзіи миннезенгеровъ и Ганса Сакса, она должна быть національной или въ идеалистическомъ или въ реалистическомъ значеніи...., наша поэзія должна дышать глубокой правдивостью и возвышенными чувствами тѣхъ поэтическихъ произведеній, которыя должны считаться за самые первобытные, самые древніе памятники нѣмецкаго духа; если же до сихъ поръ ничто не могло возвыситься до одного съ ними уровня, то, можетъ быть, это суждено сдѣлать будущему (Гаймъ, Романтич. школа 700).

Та свободная форма разсказа, которую избралъ Гоголь для своего творчества и которая особенно ярко выразилась въ эпико-лирическомъ характерѣ «Мертвыхъ Душъ», вполнѣ отвѣчаетъ взглядамъ романтиковъ-теоретиковъ на задачи поэзіи, какъ творчества свободнаго духа, и на романъ, какъ наиболѣе удобную форму для выраженія разнообразныхъ сторонъ жизни и настроеній писателя: «романтическая поэзія, по словамъ В. Шлегеля, «одна свободна и признаетъ за свое главное основаніе правило, что произволъ поэта не выноситъ никакихъ стѣснительныхъ для него законовъ» (Гаймъ, 230); «произволъ поэта не долженъ стѣсняться никакими законами» (232); «романъ придаетъ свою окраску всей новѣйшей поэзіи» (229); «никакая другая форма не доставляетъ писателю такихъ удобствъ для полнаго выраженія его идей, какъ романъ» (226), «нѣкоторые изъ лучшихъ романовъ представляютъ нѣчто въ родѣ краткаго описанія всей умственной жизни геніальнаго индивидуума» (297); «назначеніе романтической поэзіи заключается не только въ томъ, чтобы соединить въ одно цѣлое всѣ разрозненные виды поэзіи и привести поэзію въ соприкосновеніе съ философіей и съ риторикой; она кромѣ того должна то перемѣшивать, то соединять поэзію съ прозой, геніальность съ критикой, искусственную поэзію съ натуральной; она должна сдѣлать поэзію живою и общительною, а жизнь и общество поэтическими; она должна облекать остроуміе въ поэтическую форму, должна наполнять всѣ формы искусства надлежащимъ содержаніемъ и воодушевлять ихъ юмористическими выходками» (Гаймъ 228).

Мы нарочно привели эти выдержки изъ кодекса В. Шлегеля, представляющія locus classicus романтическихъ понятій о поэзіи. Они должны быть поставлены въ живую и тѣсную связь съ воззрѣніями Пушкина на поэзію, поэта и формы поэтической дѣятельности. Какъ извѣстно, Пушкина въ концѣ его жизни стала уже неудовлетворять стихотворная форма рѣчи, его привлекаетъ все болѣе и болѣе свободная, простая и непринужденная форма разсказа (Повѣсти Бѣлкина). Черезъ Пушкина, черезъ русскую журнальную литературу 20—30-хъ годовъ, наконецъ и непосредственно Гоголь могъ имѣть свѣдѣнія о тѣхъ новыхъ теченіяхъ въ области литературной теоріи, которыя выражались въ кодексѣ романтической поэзіи, представляемомъ лекціями и статьями Шлегеля, знакомство съ которыми Полевой считалъ обязательнымъ для каждаго занимающагося литературою.

Писательскія неудачи, происходившія отъ непониманія и вызваннаго имъ враждебнаго отношенія части русскаго общества къ произведеніямъ Гоголя, глубоко оскорблявшаго его идеализмъ и стремленіе къ принесенію общей пользы, а затѣмъ смерть Пушкина, дополнявшаго недостатокъ активнаго элемента въ характерѣ Гоголя, возбудительно дѣй-

ствовавшаго на его творческія силы и направлявшаго ихъ въ сторону трезваго и положительнаго реализма, повліяли роковымъ образомъ на жизнь и творчество Гоголя. Моральныя и религіозныя задачи художественной дѣятельности, поставленныя романтиками по вліянію Шлейермахера, начинаютъ все болѣе и болѣе занимать Гоголя. И Гоголь въ своей литературной дѣятельности опять начинаетъ склоняться къ тому направленію романтизма, которому онъ служилъ въ началѣ ея, котораго былъ представителемъ у насъ Жуковскій и которое открывало поле для вліяній религіознаго мистицизма на духъ нашего писателя.

Въ борьбѣ этихъ двухъ направленій романтизма въ душѣ одной личности и заключается трагедія духа нашего великаго писателя. Гоголь не нашелъ выхода изъ столкновенія между идеальными требованіями творчества романтическаго, поставленными ново-романтиками и потребностями своего творческаго генія. Нуженъ былъ иной поэтическій темпераментъ, иной міръ поэтическихъ образовъ и иной уровень образованія для рѣшенія романтическихъ проблемъ литературной дѣятельности, былъ нуженъ, словомъ, геній и темпераментъ гр. Л. Н. Толстого.

Усвоивъ себѣ взглядъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, что словесное поприще есть тоже служба и стремясь къ осуществленію завѣтныхъ идеаловъ своихъ «сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства» (Письма I, 89), Гоголь начинаетъ работу надъ самимъ собою, надъ личнымъ совершенствованіемъ, руководясь между прочимъ и внушеніями религіозныхъ писателей и мыслителей.

Романтизмъ училъ, что основаніемъ успѣха писателя и залогомъ вліяній его произведеній на общество служитъ личная нравственность автора; отсюда возникаетъ у Гоголя стремленіе тѣсно связать свои сочиненія съ своимъ духовнымъ образованіемъ, сдѣлать первыя результатомъ «внутренняго сильнаго воспитанія душевнаго, глубокаго воспитанія» (соч. Гоголя, ред. Тихонр. III, 538).—Въ сущности это—крайнее развитіе взгляда романтиковъ, формулированнаго Шлегелемъ, что всякое умственное стремленіе есть благочестіе (Гаймъ, 688). Роковымъ для таланта Гоголя было лишь признаніе или отысканіе того, что́ онъ считалъ необходимымъ средствомъ, ближе ведшимъ къ этой цѣли нравственнаго совершенства или благочестія: средствомъ этимъ Гоголь призналъ «уединеніе» «прекрасное далеко» отъ родины, душевный монастырь, «молчаніе», монашество, аскетизмъ (соч. Гоголя, изд. Тихонр. IV, 20). Въ результатѣ этихъ исканій нравственнаго и писательскаго высшаго совершенства и создалась обстановка, погубившая талантъ Гоголя: «писатель комическій, писатель современный, писатель нравовъ», какъ характеризуетъ самъ себя Гоголь, обрекаетъ себя на литературное отшельничество и поэти-

ческій аскетизмъ въ цѣляхъ приближенія къ высшему идеалу творчества, заключавшемуся въ романтическомъ единствѣ жизни, поэзіи и религіи. И замѣчательно' внутренно Гоголь временами сознавалъ, что онъ дѣлаетъ насиліе надъ своей природой, надъ своимъ геніемъ; но до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни, до момента сожженія II т. «Мертвыхъ Душъ» онъ не отдавалъ себѣ отчета въ силѣ и значеніи того роковаго, медленнаго истощенія своего поэтическаго богатства, къ которому привело его сознательное отшельничество отъ родины, отъ родной жизни, отъ родной стихіи. Убѣжденія поэта, усилія его ума и воли направляли его духъ, говоря словами А. Майкова, «въ высь», «къ свободѣ безконечной, на исканье правды вѣчной и душевной красоты», а натура поэта, свойства его дарованія тянули его, выражаясь образами Полонскаго, въ самую жизнь, къ людямъ, въ толпу, «въ слякоть жизни». «Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, писалъ Гоголь Погодину 30-го марта 1837 г.: и нашъ бѣдный, неяркій міръ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливо глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны» (I, 435). Шевыреву писалъ Гоголь 10 августа 1839 года: «я... странное дѣло, я не могу, я не въ состояніи работать, когда я предамъ уединенію, когда не съ кѣмъ переговорить, когда нѣтъ у меня между тѣмъ другихъ занятій... Меня всегда дивилъ Пушкинъ, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться въ деревню одному и запереться. Я, наоборотъ, въ деревнѣ никогда ничего не могъ дѣлать и вообще я ничего не могу дѣлать, гдѣ я одинъ и гдѣ я чувствовалъ скуку. Всѣ свои нынѣ печатные грѣхи я писалъ въ Петербургѣ, и именно тогда, когда я былъ занятъ должностью, когда мнѣ было некогда, среди этой живости и перемѣны занятій, и чѣмъ я веселѣе провелъ канунъ, тѣмъ вдохновеннѣй возвращался домой, тѣмъ свѣжѣе было у меня утро» (I. 619—620). И тѣмъ не менѣе Гоголь—писатель *современный, писатель нравовъ*,—стремится «отъ всего житейскаго дрязгу» въ душевный монастырь, находя, что «нѣтъ удѣла на свѣтѣ выше, какъ званіе монаха» (Тихонр. III. 467, 471), что только въ уединеніи, внѣ родины, въ прекрасномъ далекѣ отъ нея онъ можетъ «вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе (538) «для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія граждан, для блага жизни подобныхъ» (Письма I, 68).

Пока поэтическая память, область безсознательнаго храненія образовъ и жизненныхъ впечатлѣній, давала матеріалъ для творчества Гоголя, отшельничество и аскетизмъ помогали тщательности отдѣлки имъ своихъ поэтическихъ произведеній, способствовали возведенію русской реальной

дѣйствительности «въ перлъ созданія». Но по мѣрѣ того, какъ въ душѣ поэта, «занятаго суровымъ душевнымъ воспитаніемъ» (Тихонр. III, 540 II с. соч. Г.), изсякалъ міръ живыхъ поэтическихъ образовъ, художественная работа для Гоголя дѣлалась труднѣе. Поэтъ приходилъ къ убѣжденію, что онъ, въ своемъ поэтическомъ отшельничествѣ «отсталъ» отъ русской жизни, что онъ не знаетъ Россіи, что многое измѣнилось въ ней съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ ней не былъ, что художественную работу надъ Мертвыми Душами нужно *начинать сначала*: «нынѣ нужно почти сызнова узнавать все то, что есть въ ней теперь (въ 1847 г.), многое нужно видѣть собственными глазами и пощупать собственными руками» (Письма IV, 15). Бодрый духомъ, но слабый тѣломъ поэтъ принялся за новую работу. Но плоть поэта-аскета была слишкомъ немощна. По его собственному признанію, Гоголь уже не могъ писать такъ, какъ нѣкогда писалъ: «ничто не лилось на бумагу» (П. с. соч. Г. изд. Тихонр. III, 541). Приближалась развязка трагедіи духа великаго писателя. Чувствуя въ себѣ недостатокъ живыхъ поэтическихъ образовъ, и думая восполнить его подвигами молитвы, отшельничества и аскетизма, Гоголь предпринимаетъ путешествіе въ Св. Землю. Пребывая на молитвѣ неустанной, съ четками въ рукахъ, поэтъ-отшельникъ, поэтъ-аскетъ продолжаетъ тяжелую работу надъ II т. Мертвыхъ Душъ. Сомнѣваясь въ силѣ своихъ молитвъ, Гоголь обращается съ просьбой къ тому человѣку, которому «много, много былъ долженъ» (Письма IV, 421) складомъ своихъ поэтическихъ и моральныхъ воззрѣній,—къ Жуковскому, котораго называлъ своимъ «братомъ прекраснымъ» (Письма III, 335), безцѣннымъ другомъ, небеснымъ посланникомъ (Загаринъ, 478): «Сижу по прежнему надъ тѣмъ же, занимаюсь тѣмъ же. Помолись обо мнѣ, чтобы работа моя была истинно добросовѣстна и что бы я сколько нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной» (Тихонр. III. П. с. с. Г. 574). Но работа не спорилась; «Дѣло мое идетъ крайне тупо», писалъ поэтъ Аксакову незадолго до смерти, въ 1852 году. Строгій и взыскательный къ содержанію и формѣ литературныхъ произведеній апостольски-благоговѣвшій передъ «словомъ», Гоголь ясно понималъ художественные недочеты въ своей работѣ, видѣлъ, что, несмотря на всѣ творческія усилія, онъ далекъ отъ тѣхъ идеаловъ творчества, которые онъ носилъ въ своей душѣ, отъ исполненія «священнаго завѣщанія Пушкина», и въ одинъ изъ припадковъ своей меланхоліи сдѣлалъ то, что давно подсказывала ему художественная, чуткая совѣсть: онъ собственноручно уничтожилъ II т. Мертвыхъ душъ,—послѣдовалъ эпилогъ трагедіи духа великаго писателя, самаго «упорнаго» изъ свѣтлой плеяды русскихъ романтиковъ, замерцавшей первоначальнаго въ «горницахъ московскаго университета», въ са-

момъ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка [1]), ревностнаго искателя рѣшенія грандіознѣйшей задачи искусства, начертанной романтиками:—жизнь отразить въ поэзіи, поэзію земную сдѣлать сестрой небесной религіи и просвѣтить жизнь поэзіей. Смерть Гоголя, послѣдовавшая 21 февраля 1852 года, была насильственнымъ лишь прекращеніемъ упорной работы поэта въ неуклонномъ стремленіи его къ исполненію намѣченной цѣли, «предположеннаго начертанія» (I, 190) осуществить въ поэзіи то, что Шлейермахеръ назвалъ полигенезисомъ религіи (Гаймъ, Романтич. школа, стр. 395).

Насколько дальновидны были теоретики романтизма, на сколько жизненна начертанная ими задача творчества показываетъ то, что черезъ 100 лѣтъ литературнаго развитія къ ней частью вновь возвращается, частью подходитъ европейская литература (ср. Предисловіе гр. Л. Н. Толстого къ роману Фонъ Поленца «Крестьянинъ») и философско-критическая мысль (ср. Гюйо, Искусство съ точки зрѣнія соціологіи).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери Гоголь говоритъ о вѣчно-неумолкаемыхъ желаніяхъ своей души, которыя Богъ вдвинулъ въ него, превративъ *его существо въ жажду ненасытимую* бездѣйственною разсѣянностью свѣта (Письма I. 124). Какъ искренно и глубоко вѣрно это сказано! «Этотъ удивительный Гоголь», какъ назвалъ его Мельхіоръ де Вогюэ, теперь, черезъ 50 лѣтъ послѣ окончанія имъ поэтическаго подвига своей жизни, представляется намъ, по искреннимъ, интимнымъ признаніямъ въ своихъ письмахъ, *именно жаждой ненасытимой*: *жаждой* познанія, *жаждой* нравственнаго совершенства, *жаждой* подвига на благо «отчизны» и счастіе человѣчества; самый «смѣхъ Гоголя, смѣхъ добрый и свѣтлый», смѣхъ сквозь слезы надъ тѣмъ, что позоритъ красоту человѣка, родился въ немъ отъ «вѣчной», «могучей» любви къ человѣку, есть отраженіе «глубоко-доброй души» поэта (П. с. соч. изд. Тихонрав. т. II, 352, 514, 516).

Свою литературную дѣятельность въ цѣломъ, въ ея совокупности, самъ Гоголь однажды опредѣлилъ какъ стремленіе поэта—«доказать всему свѣту, что въ русской землѣ все, что ни есть, отъ мала до велика, стремится служить Тому же, Кому все должно служить на землѣ, несется туда же къ верху, къ Верховной Красотѣ» (Соч. Гог. II, 352). Не отражаются ли и въ этихъ словахъ Гоголя мечты романтиковъ, возникшія

[1]) Объ этомъ смотр. въ моихъ статьяхъ, посвященныхъ вопросу о возникновеніи Арзамаса: О вліяніи Вас. Львов. Пушкина на поэтич. творчество А. С. Пушкина. Харьк. 1900, 39 слѣд. Къ исторіи возникновенія Арзамаса, Мирный Трудъ № 1 стр. 57—59.

подъ вліяніемъ философіи Фихте, о «трансцендентальной поэзіи», которая должна возвышаться до художественной рефлексіи и до самосозерцанія и явиться самой совершенной формой поэзіи — поэзіей поэзіи (Гаймъ. Романтич. школа, стр. 255)?

Цѣна 30 к.

Изъ сочиненій того же автора имѣются для продажи слѣдующія:

Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ, въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. Варшава, 1893—1896 г., ц. 6 руб.

О вліяніи Василія Львовича Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина. Харьковъ 1900 г., ц. 75 коп.

Я. П. Полонскій въ его поэзіи. Харьковъ 1900 г., ц. 50 к.

Изъ замѣтокъ по исторіи русскаго литературнаго языка, вып. I и II. Спб. 190[illegible] г., ц. 50 к.

Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старо-печатныхъ изданій I—XXII. Харьковъ 1900—1902 г.

Съ затребованіями на эти изданія можно обращаться къ автору: Харьковъ. Максимиліановская ул. соб. домъ № 6.

Подготовляется къ печати: Русскій героическій эпосъ.

